

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ЗА 2023 ГОД. ЧАСТЬ I.

Мурат Лаумулин

главный научный сотрудник КИСИ при
Президенте РК, доктор политических наук, профессор

Radjabov Bakhrom. Social Innovations in Post-Soviet Countries. – L., N.Y.: Routledge, 2022. – VII+212 pp.

Данное издание, вышедшее из-под пера Б.Раджабова (Вебстер университет), посвящено эволюции социальных инноваций в современной Центральной Азии (а также в Восточной Европе и Кавказа. То есть, сделана попытка охватить весь постсоветский мир. Автор особо отмечает роль таких международных организаций как Агентство по развитию ООН. Б.Раджабов останавливается на таких государствах как Узбекистан, Армения и Украина, в которых местные правительства целенаправленно, на его взгляд, поддерживали развитие гражданских обществ. Тем не менее, в отношении рассматриваемого периода (2012-2022 гг.) исследователь дает немало критических оценок в адрес режимов всех

центральноазиатских республик (Туркменистан не рассматривается), а также Молдавии и Азербайджана. В книге затрагивается поведение этих правительств при решении проблем Covid-19. Работа ценна тем, что в ней сделана попытка провести комплексный сравнительный анализ особенностей правительств той или иной страны при проведении общественных реформ.

Левистон М. Казахстан в пучине кризисов: от январских волнений до войны в Украине. – Paris: IFRI, 2022. – 42 p. (RNV No 39). (на франц., рус., нем. и англ. яз.).

Французский Институт Международных Отношений (ИФРИ) не мог оставить без внимания бурные события января 2022 г. в Казахстане. Это сделал Микаэль Левистоун (научный сотрудник

Центра Россия/СНГ ИФРИ). Автор начинает с того, что отличавшийся внутренней стабильностью с момента провозглашения независимости 16 декабря 1991 года, Казахстан пережил со 2 по 19 января 2022 года крупнейшие в своей истории демонстрации протеста. Этот кризис привёл к двум важнейшим последствиям. Во-первых, произошёл переход верховной государственной власти, связанный с потерей влияния Нурсултана Назарбаева, распорядившегося судьбой Республики Казахстан на протяжении долгого периода, начавшегося ещё до распада Советского Союза. Во-вторых, Россия, при малых затратах, одержала крупную стратегическую победу, осуществив первое в истории развёртывание в реальных условиях сил Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Можно было ожидать, что исход этого кризиса заставит президента Касым-Жомарта Токаева развернуть внешнюю политику своей страны в более благоприятном для Москвы русле, однако война, развязанная Россией в Украине месяц спустя привела к тому, что новый лидер РК продолжил и даже усилил политику многовекторной дипломатии в пользу других основных партнёров Казахстана, а именно Китая, Турции, США и ЕС. Централь-

ноазиатский гигант сталкивается с несколькими серьёзными проблемами, первой из которых, несомненно, является его зависимость от энергетической ренты. Кроме того, в стране развивается новый казахский национализм, стремящийся исключить русскую общину из национального нарратива.

После вступления в должность, Касым-Жомарт Токаев поставил перед собой цель превратить Казахстан в «слышащее государство», для чего были предприняты меры по либерализации политической жизни страны. В 2019 году президент учредил Национальный совет общественного доверия – площадку для обсуждения реформ с лидерами политических партий.

Хотя Касым-Жомарт Токаев обладает сейчас полнотой власти в государственном аппарате, он сталкивается со сложной ситуацией, связанной с народным недовольством, вызванным несколькими причинами. Автор заключает, что «Кровавый январь» обнажил давно существовавшие трещины в казахстанском общественном договоре. Возникает вопрос о том, будет ли Россия вмешиваться в дела Казахстана в случае возникновения новых внутренних беспорядков в этой стране.

Cohen Ariel, Hill Wesley Alexander, Witt Daniel. Central Asia: a Source of Energy for the 21 Century. Issue Paper. – Washington: Institute for European, Russian, and Eurasian Studies, 2022.

Известный американский политолог Ариэль Коэн (Международное агентство по налогам и инвестициям) решил (в соавторстве со своими коллегами Хиллом У.Александром и Даниэлем Виттом) вернуть к теме, которая его занимала в его в прошлом в свое время в небольшом эссе – «Центральная Азия: источник энергии в XXI веке». Имеется в виду его работа «Дорога независимости. Энергетическая политика Казахстана. – New York: Global Scholarly Publications» (2007 г.).

Авторы отмечают, что республики Центральной Азии имеют относительно небольшую историю, как независимые государства. Современный вид региона формировался в годы существования Советского Союза и первые годы постсоветской эры. Высокий энергетический потенциал, который формирует роль и место пяти государств ЦА также формировался до развала СССР, но в XXI в. республики начали определять совершенно новые источники энергии, которые не были характерны им — здесь и добыча урана для Узбекистана, и

ветряная и солнечная энергия для Казахстана и Узбекистана, и теплоэнергостанции и добыча газа для Кыргызстана.

В данной работе рассматривается энергетический потенциал Центральноазиатского региона по странам, а также существующая и строящаяся инфраструктура для взаимных поставок того или иного вида энергии. В работе применены методы экономической и исторической наук: метод экономического анализа, метод систематизации, метод исторического анализа и метод сопоставления.

Левистон М. Взаимосвязанность в Центральной Азии в эпоху международных кризисов. Транспортная, энергетическая и водная инфраструктуры между взаимозависимостью и открытостью. – Paris: IFRI, 2022. – 36 p. (RNV No 21). (на франц., рус., нем. и англ. яз.).

В рамках исследований Французского Института Международных Отношений (ИФРИ) вышло исследование Микаэла Левистона «Взаимосвязанность в Центральной Азии в эпоху международных кризисов». Автор считает, что Серьёзнейшие международные кризисы, как конъюнктурные, так и системные – от восстановления движением Талибан исламского эмирата в Аф-

ганистане и до войны в Украине, а также глобальное потепление – оказывают значительное влияние на эволюцию сети коммуникаций в Центральной Азии в таких отраслях как транспорт, энергетика и водные ресурсы. Сложившийся сложный контекст не только оправдывает, но и стимулирует стремление государств этого не имеющего выхода к морю региона Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) к развитию внешних партнёрств.

Транспортные сети Центральной Азии развиваются в двух направлениях: на запад, где Казахстан и Каспийское море выступают важнейшими звеньями китайско-европейских торговых путей; и на юг, как по морю (развитие портовых сообщений Казахстана и Туркменистана с Азербайджаном и Ираном), так и по суше (создание железнодорожной линии, связывающей Узбекистан, Афганистан и Пакистан). энергетической отрасли Казахстан, главный нефтепровод которого был заблокирован Россией, рассчитывает продолжить поставки своей нефти на европейские рынки через Каспийское море. Туркменистан экспортирует свой газ на рынки Китая и Южной Азии, где его планы, так же как планы Кыргызстана и Таджикистана в области гидроэнергетики, под-

вергаются рискам, вызываемым ситуацией в Афганистане.

Наконец, вопрос водообеспечения выявляет конфликт между взаимозависимыми странами, делящимися на те, которые контролируют водные ресурсы Центральной Азии (Кыргызстан и Таджикистан), и остальные, расположенные в низовьях рек Сырдарья и Амударья (Казахстан, Узбекистан и Туркменистан). Несмотря на растущее число инициатив по рациональному управлению водными ресурсами региона, этот вопрос продолжает оставаться наиболее острым в Центральной Азии.

Китай не стал ждать, пока война в Украине добавит привлекательности Центральной Азии, чтобы превратить её в зону коммерческого транзита, предназначенного для европейских рынков. Пекин, запустивший в 2013 году проект «Новый шёлковый путь», преследует в Центральной Азии двойную цель. С одной стороны, создание или модернизация местных транспортных сетей. С другой стороны, интеграция региональных инфраструктур в более крупные мультимодальные транспортные коридоры, на базе которых могут быть созданы ОЭЗ. Иран использует своё положение на перекрёстке между Центральной Азией, Кавказом и Персидским заливом, чтобы

занять место России, ослабленной войной в Украине, в качестве межрегионального хаба для стран Центральной Азии.

Двойной геополитический кризис, в котором оказалась Центральная Азия, граничащая с Афганистаном и косвенно затронутая экономическим последствием войны в Украине, вызывает серьезные изменения в энергетическом ландшафте региона. Основные альтернативные России маршруты экспорта энергоресурсов Центральной Азии – будь то углеводороды или излишки гидроэлектроэнергии – ведут в Турцию и на Кавказ на западе, в Китай на востоке и к южным соседям в Центральной Азии.

Хотя газопроводы Казахстан – Китай и Центральная Азия – Китай уже позиционируют Китай как естественный рынок сбыта для центральноазиатских производителей углеводородов, желание последних увеличить свой экспорт на этот рынок с тем, чтобы обеспечить приток денежных средств во время кризиса, может, однако, столкнуться с серьезными ограничениями. При этом Китай не приемлет давления, оказываемого Москвой на транзит казахстанской нефти.

Автор касается также вопроса водоснабжения. Он отмечает, что касается водоснабжения, то проблема Центральной Азии заклю-

чается не столько в количестве имеющихся ресурсов, сколько в доступе к ним, различающемся от страны к стране. По этому вопросу, вызывавшему напряженность в регионе в период после 1991 года, в настоящее время формируется консенсус, в то время как многочисленные факторы (экстенсивное орошение в засушливых районах, загрязнение окружающей среды, изменение климата) угрожают водной безопасности республик Центральной Азии.

Исследователь заключает, что комплексное исследование коммуникаций в транспортном, энергетическом и водном секторах Центральной Азии выявляет контрастную реальность. В дополнение к неоднородности в освоении территорий и эксплуатации ресурсов после обретения независимости в 1991 году, республики Центральной Азии в целом уже на протяжении долгого времени демонстрируют сильную разобщенность. Уникальный как по своей серьезности, так и по открывающимся возможностям, нынешний контекст, тем не менее, в чём-то является классическим, поскольку – как это часто бывало в истории Центральной Азии – он ставит её в положение ожидания по отношению к иностранным державам. По всей видимости, роль России сдвигается

к периферии геоэкономической реконфигурации региона, в котором ведущие позиции занимают Китай, Иран и двойка, сформированная на Кавказе Турцией и Азербайджаном.

The Drama of Water in a Time of Global Transformation. A Trilateral Dialogue Addressing Innovative Water Diplomacy and Effective Management of Water Resources in the 21st Century. Geneva–Moscow, Geneva Water Hub, University of Geneva, The International Association of Lake Regions (IALR), 2021. - 116 p.

Рецензируемый сборник статей “Водная драма в условиях глобальных трансформаций” представляет собой фундаментальное коллективное исследование Женевского водного центра (Geneva Water Hub), Международной ассоциации озерных регионов и группы независимых экспертов по вопросам современной гидрополитики. Само название этого сборника аналитических статей с участием 42 российских и зарубежных экспертов весьма символично – оно отражает тревожную ситуацию, связанную с неэффективным использованием важнейшего ресурса человечества – пресной воды. Центральной темой рецензируемой публикации является попытка предложить на основе

всестороннего анализа свою концепцию “переустройства водного мира”, основанную на объединяющих началах.

В статье “Водные войны” – дефицит водных ресурсов как причина международных конфликтов» российский эксперт В.Кочетков предлагает разработанную им классификацию водных конфликтов, выделяя основные факторы, угрожающие международным водотокам, а также настаивает на необходимости превентивного, дипломатического подхода к проблеме вооруженных конфликтов, связанных с разделом воды. Однако не везде удастся прийти к взаимоприемлемому решению по водопользованию. В статье профессора Московского государственного университета Д. Малышева “Водная проблема в Центральной Азии и превентивные пути ее решения” отмечается сохраняющаяся напряженность в Центральной Азии между потребностями стран верхнего бассейна в выработке электроэнергии и стран нижнего бассейна в использовании воды из трансграничных водотоков для потребления людьми и ведения сельского хозяйства. Попытки наладить сотрудничество в сфере регулирования водного сотрудничества между двумя верхними (Кыргызстан и

Таджикистан) и тремя нижними прибрежными (Казахстан, Узбекистан и Туркменистан) странами наталкиваются на серьезные трудности.

Весьма напряженно складывается ситуация с водоснабжением крупных городов. сборнике статей “Водная драма в условиях глобальных трансформаций” затронуты многие другие важные проблемы, которые невозможно охватить в краткой рецензии, но их анализ представляет несомненный интерес для всех интересующихся этой проблематикой.

Центральная Азия и украинский кризис. – М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2022. – 56 с.

Положение Центральной Азии в системе внешнеполитических интересов России определяется её геополитикой, особенностями международно-политической организации

и наличием у нас масштабных и многогранных связей с основными государствами региона. От других крупных частей пространства бывшего СССР (Европейская часть, Закавказье) Центральная Азия отличается тем, что там отсутствуют государства, для которых конфликт с Россией мог бы стать центральным эле-

ментом национальной внешней политики.

Однако мы не должны закрывать глаза на многочисленные признаки потенциальной дестабилизации, направленной против как самих государств Центральной Азии, так и их отношений с Россией. Есть тревожные внутренние процессы, связанные с теми сложностями, которые страны региона испытывают на фоне военно-политического кризиса на Украине. Хотя в целом они находятся в более выгодном положении, чем некоторые другие соседи России, поскольку внешнее влияние на их внутреннее развитие и внешнеполитические связи ограничено объективными геополитическими обстоятельствами. С началом украинского кризиса в 2022 году внимание России к событиям, происходящим в столь близком и важном регионе, как Центральная Азия, по понятным причинам несколько ослабло, и это, пожалуй, одно из важных упущений, чреватых последствиями.

После обрушения режима, установленного иностранными интервентами в Афганистане, и восстановления у власти движения «Талибан», на фоне сохраняющейся напряжённости в приграничных отношениях Киргизии и Таджикистана и острого внутривосточного кризиса,

порадившего в первой половине января 2022 года Казахстан, этот регион заслуживал быть в центре спектра российских внешнеполитических приоритетов. Тем более что геополитическое расположение Центральной Азии между ведущими евразийскими державами делает её объектом пристального интереса не только России и Китая, но и их противников на международной арене.

Место государств Центральной Азии в международной политике и мировой экономике является продуктом их внутреннего развития в последние тридцать лет. Эволюция национальных политических систем и состояние экономик разные в каждом конкретном случае. Географическая близость к глобальным центрам силы является определяющим фактором не только для выстраивания отношений с Россией и Китаем, но и для взаимодействия с крупными и средними партнёрами, находящимися на значительном удалении от Евразии.

Внешние партнёры стран Центральной Азии никогда не выступали против их узкого регионального сотрудничества: Россия видела в этом дополнительную возможность внутренней стабилизации непростого направления своей внешней политики, Китай исходил из аналогичных соображений, а страны Запада, наобо-

рот, всегда рассматривали региональную интеграцию как способ подорвать там позиции Москвы и в последующем – Пекина.

Наибольшей устойчивостью к украинскому кризису обладают страны региона с относительно консолидированными политическими системами и высоким уровнем реального суверенитета – Узбекистан, Таджикистан и Туркмения. Больше всего подвержены рискам страны, имеющие разбалансированные политические режимы и тесно связанные одновременно с Россией и Западом, – Казахстан и Киргизия. В наиболее сложной ситуации после начала СВО оказался Казахстан, только-только переживший январские события 2022 года, когда социальное недовольство повышением цен на газ было использовано политическими элитами при поддержке внерегиональных игроков для изменения внутривосточного баланса сил.

США, не имея в Центральной Азии реальных экономических интересов (за исключением Казахстана, где частные корпорации владеют значительной долей добычи нефти), заинтересованы в использовании региона как инструмента влияния на крупнейших оппонентов – Россию и Китай. Именно поэтому публичная риторика американских предста-

вителей крайне жёсткая. Стратегия Европейского союза декларировала отказ от агрессивного вмешательства в перестройку политических систем региона в пользу поддержки демократизации институтов для обеспечения развития и безопасности.

Китайская Народная Республика – основная мишень противодействия США в регионе – внимательно отслеживает процессы и реагирует на них. Важно отметить, что конкуренции между Россией и КНР в сфере безопасности нет. Россия и ОДКБ являются базовыми гарантами безопасности в регионе, что признаётся КНР. Это хорошо проиллюстрировал январский кризис, когда инструменты реагирования ОДКБ были успешно применены для стабилизации ситуации в Казахстане.

Для Центральной Азии Турция – одна из моделей сравнительно успешного развития. Образ суверенного тюркского государства с традиционными исламскими ценностями, но светским образом жизни в сочетании с успешной внешней политикой стало драйвером роста общественной поддержки турецких проектов и повысило привлекательность интеграционных объединений. Идея объединения тюркских государств получила новый импульс в 1990-е годы.

Экономическая война Запада против России, развёрнутая после начала СВО, отразилась на странах Центральной Азии, их экономических отношениях с внешними партнёрами, а в перспективе может сказаться и на их способности к достижению основных целей развития. С февраля 2022 года страны Центральной Азии испытывают постоянное внешнее давление относительно своей позиции по вопросу украинского кризиса. Несмотря на то, что все страны региона оказались политически и социально-экономически относительно готовы к последствиям столкновения России и Запада, теперь они должны решать задачи взаимодействия со своим главным партнёром, учитывая не только свои внутренние проблемы, накопившиеся за тридцать лет независимости, но и давление внешних держав.

Таким образом, государства Центральной Азии оказались перед целым комплексом новых внешних вызовов: это и давление со стороны Запада, и заискивание со стороны Турции, и погружение в дела центральноазиатского Китая, и, главное, восприятие России и её действий собственным населением и элитами.

Военно-политический кризис вокруг Украины выявил системную проблему – Россия и страны Центральной Азии, опираясь

на капиталоемкость отдельных транспортно-логистических маршрутов, оказались в условиях ограниченного количества рынков сбыта и импорта товаров. Европейские страны также оказались перед необходимостью искать альтернативные транспортные маршруты доставки грузов и сырья. В связи с этим 2022 год стал периодом активного обсуждения новых транспортно-логистических путей в Евразии.

Украинский кризис оказал двойственное воздействие на международное и внутреннее положение государств Центральной Азии. Сдержанная внешнеполитическая позиция и высокая степень ответственности региональных правительств и лидеров региона позволяют важнейшим соседям – России и Китаю – достаточно оптимистично смотреть на будущее Центральной Азии, видеть в этих странах надёжный тыл в период резкого обострения отношений с Западом и общей перестройки международного порядка.

В общеполитическом отношении украинский кризис имеет для государственных систем Центральной Азии двойственные последствия. Во-первых, факт массированного применения силы для решения внешнеполитических задач ставит международную и региональную без-

опасность в новые условия, когда страны должны учитывать российский опыт и соотносить его с собственными перспективами. Во-вторых, страны Центральной Азии также испытывают на себе тот консолидирующий эффект, который военные события на Украине оказали на политические системы их непосредственных участников в лице России и стран Запада и более удалённых государств.

Researching in the Former Soviet Union. Stories from the Field. Edits. by Jasmin Dall'Agnola, Allyson Edwards and Marnie Howlett. – L., N.Y.: Routledge, 2023. – 168 pp.

Коллективный труд Ж.Далл'Агнолы, А.Эдварса и М.Хауллетт «Исследования в Советском Союзе: полевые исследования» посвящен трудностям работы зарубежных экспертов по социологии и этнографии, включающим такие деликатные темы как положение женщин, наркотрафик, этническая принадлежность, ювенальные обзоры и реакция респондентов на исследование в этих сферах, а также роль сексуальности и материнства. Собственно Центральную Азию книга затрагивает в связи с изучением роли женщин в торговле наркотиками и непосредственную реакцию опрошиваемых на

весь спектр задаваемых вопросов. В общем, строение работы больше похоже на «сборную солянку», где неясно, по какому принципу был сделано сочетание указанных сюжетов.

Примаковские чтения 2021. Современные вызовы мировому порядку. Сборник материалов международного форума. Москва, 8–9 июня 2021 г. – М.: ИМЭМО РАН, 2022. – 182 стр.

Данное издание представляет собой сборник выступлений международного сообщества экспертов, которое проходит уже несколько лет. Тема Центральной Азии была частью других (всего 8 блоков) важных процессов в мировой геополитике и геоэкономике.

Центральная Азия занимает в последние годы очень значимое место в политической жизни, в экономических делах. Подтверждением этому является тот факт, что в течение последних лет возникло много форматов, в которые пытаются вовлечь представителей Центральной Азии, государства Центральной Азии. Это и форматы встреч министров иностранных дел «5+1». «5+1» формат уже есть. Это 5+Россия, 5+США, 5+Китай. Такой же формат уже формируется, или уже есть с Южной Кореей, с Японией, поэтому интерес к региону

очень большой и этот интерес обоснованный.

Столетия пребывания, существование, развитие в одном государстве, конечно, наложили отпечаток на менталитет людей, на их привычки. Кроме того, эти столетия связали нас экономически, гуманитарно, в человеческом смысле. Эта географическая близость и историческая общность обязывают нас не конкурировать, а взаимодействовать.

Регионализация, она помогает объединять усилия государств, входящих в ту или иную региональную группировку, для решения актуальных проблем. И подтверждением тому является то, что и на пространстве СНГ, наряду с Содружеством Независимых Государств, возникли еще некоторые группировки интеграционные, которые перешли к более тесному взаимодействию в тех или иных областях. Это ЕврАзЭС, сегодня они ЕАЭС называются. Регионализация – это веяние времени, и оно объективное. Регионализация подразумевает объединение усилий, сотрудничество. Потому что никакая региональная организация не будет действенной, если она будет отходить от принципов укрепления сотрудничества и взаимодействия.

В последние пять лет в регионе Центральной Азии укрепле-

ние регионального сотрудничества, укрепление регионального партнерства В основу региональной стратегии Узбекистана был заложен принцип поиска взаимоприемлемых разумных компромиссов. И, благодаря такому подходу, были решены очень острые вопросы, которые стояли в повестке, например, с Таджикистаном, с Кыргызстаном. Это и вопросы водопользования, это вопросы делимитации, демаркации границ, вопросы энергообмена.

Страны Центральной Азии, как мне кажется сегодня, ощущают потребность в продвижении и защите не только сугубо национальных интересов, но и общерегиональных интересов, решении общерегиональных проблем, которые требуют общей координации, консолидации общих усилий. Начала активно развиваться региональная торговля, повышаться инвестиционная привлекательность, туристическая привлекательность Центральной Азии. Этот тренд на региональное взаимодействие и сотрудничество был поддержан буквально на уровне населения во всех странах Центральной Азии.

Появились абсолютно новые, региональные площадки: Центральноазиатский экономический форум, Центральноазиатский экспертный форум. И даже в период пандемии эти механиз-

мы, которые уже были запущены, доказали свою эффективность и продуктивность, потому что это помогло странам Центральной Азии активно взаимодействовать, оказывать помощь друг другу, решать вопросы логистики, перевозки грузов, возвращения граждан, которые в период пандемии оказались вне дома.

Сегодня также вносятся в повестку новый вопрос укрепления регионального сотрудничества и взаимодействия не только внутри Центральной Азии, но и, скажем, между Центральной Азией и Южной Азией. Мы говорим о тех новых возможностях, которые открываются с точки зрения развития торгово-экономических связей, инвестиционных связей, транспортно-коммуникационных связей, которые очень актуальны для Центрально-Азиатского региона.

В последние годы были сглажены многие острые вопросы в отношениях между государствами региона. Это и границы, прежде всего, и водопользование. Вообще в целом новая политическая, социальная, экономическая реальность, некоторые подвижки на глобальном уровне, так или иначе, диктуют Центрально-Азиатским государствам курс на развитие более официальных и более технологичных двусторонних отношений, и многосторон-

них тоже. Как кажется, это один из важных признаков зрелости государственности.

Есть четко сформулированные национальные представления о том, что нужно тому или иному государству. Прежде всего, надо сказать, что, поскольку ведущие государства региона делают ставку на модернизацию, на активное использование современных технологий научных достижений, на инвестиции в создание собственного человеческого капитала, это объективно увеличивает их зависимость от крупных внешних игроков, которые в принципе могут предоставить им эти возможности и технологии. А разрыв в социально-экономическом и политическом уровнях развития между различными Центрально-Азиатскими государствами становится, естественно, все более очевидным.

Отношения Китая с Центрально-Азиатскими государствами тоже появились новые нюансы и, в частности, все большее место занимает сфера безопасности. И Китай является одним из ведущих экспортеров вооружений и источников военно-технической помощи для стран региона. США тоже присутствуют в регионе, и это присутствие может усилиться после вывода войск из Афганистана, но при этом, я думаю, не меньшую

роль играет американская мягкая сила.

Если перейти на уровень региональный, ближневосточный, в частности, то, конечно, соперничество Ирана и Турции, которое стало более жестким, неизбежно будет переноситься на Центральную Азию, но затрагивать оно будет не только отношения с Центрально-Азиатскими государствами, но и влиять на позиции глобальных игроков. Новым элементом является и заинтересованность государств Центральной Азии в транспортно-логистическом прорыве к новым рынкам, к Южной Азии прежде всего.

Государства Центральной Азии действительно выступают как уже обладающие большим государственным опытом, большим политическим опытом, новые и очень заметные субъекты на международной арене. Сегодня Центральная Азия – это порядка 60 миллионов человек. Это серьезный новый потребительский рынок, который в основной своей массе до сегодняшнего дня еще не до конца раскрыт.

Казахстан проделал уже большую работу, были построены тысячи километров железных дорог, которые соединили границу с Китаем и Российской Федерацией, в направлении портов Каспийского моря. И это значимые маршруты, которые позво-

ляет нам участвовать во взаимодействии крупнейших мировых экономик: Европейского союза и Китая.

Действительно очень большой интерес вызывает работа по строительству торговых маршрутов Узбекистан – Афганистан и к пакистанским портам. Это, вообще, доступ к миллиардным рынкам, и я думаю, что это создаст новые возможности для экономики Узбекистана, но и также для других стран Центральной Азии, а в более широком смысле и для всего Евразийского экономического союза. Второе направление – это огромный потребительский рынок, который возникает в целом в Центральной Азии, в том числе и за счет демографических трендов.

Инициатива «Пояс и путь» – серьезная инициатива, которая позволяет нам, с одной стороны, пользоваться транзитными маршрутами, а с другой стороны, получать доступ на рынок Китая. Это серьезная возможность для экспортоориентированных производств наших стран Центральной Азии. Большие мегатренды, которые происходят в мировой экономике, будут серьезно влиять и на развитие экономик стран Центральной Азии. Это и окончание суперцикла цен на сырьевые товары, в частности, на нефть и газ. Это приход новых техноло-

гий – четвертая индустриальная революция. Это и цифровизация.

Все это создает новые возможности снижать барьеры в торговле между нашими странами.

И здесь Казахстан очень много инвестировал в инфраструктуру. В новые железнодорожные, автомобильные международные маршруты было инвестировано порядка 30 миллиардов долларов за последние 15 лет. Мы создали Международный финансовый центр. Главным императивом стран Центральной Азии, как и любых других стран, является императив поддержания устойчивого экономического роста в долгосрочном периоде.

После 30 лет независимого развития, действительно, мы имеем дело с умудренными опытом зрелыми странами, зрелыми правительствами, зрелыми национальными элитами. И, при этом все страны региона – пятерка – принадлежат к разным экономическим мирам.

Если понимать под вызовом декарбонизацию экономического роста, экономики стран региона оказываются на перепутье. Центральная Азия, как и все постсоветские государства, которые недостаточно внимание длительное время уделяли проблемам декарбонизации экономического роста, выбросов парниковых газов, оказываются в очень слож-

ном положении. Им придется найти золотую середину между задачей поддержания экономического роста и декарбонизацией экономического роста.

Недоучтенным фактором экономического роста, недоучтенным фактором, который мог бы стимулировать интеграционное и кооперационное сотрудничество и в регионе, и региона с внешним миром, является общий и специфический человеческий капитал. Может и должно стать главным направлением, как в стратегиях национального развития, так и интеграционных инициатив в регионе и интеграционных инициатив с участием внешних игроков, что императивно предполагает направление в эту сферу существенно больших финансовых и инвестиционных ресурсов.

Индия рассматривает Центральную Азию как расширенное стратегическое соседство, и это не потому, что есть историческая связь, цивилизационные связи, но и потому, что Центральная Азия – это регион, который имеет прямое стратегическое отношение к региону Южной Азии, в плане безопасности, поставок энергоносителей, между Центральной Азией и Индией может быть налажено сотрудничество по многим направлениям.

Собираются ли великие державы играть большую роль в

Центральной Азии? Ответ очень прост: великие державы уже присутствуют в этом регионе. Я имею в виду, что там присутствует Турция и Иран, а с 2001 года США. Для России это буквально одна из самых важных стратегических областей. Китай развивает там свои связи. И, конечно, такая страна, как Индия, которая имеет великодержавные амбиции, если даже она еще не обладает достаточным потенциалом для этого, то тоже хочет присутствовать в этом регионе.

Абсолютно понятно, что страны Центральной Азии хотят быть частью Китайской инициативы «Пояс и путь» потому, что он действительно приносит им много выгод. Но у Индии нет таких возможностей, как у Китая. Поэтому Индия пытается участвовать или увеличить свое присутствие через другие форматы. Недавно состоялась вторая сессия популярного сейчас формата «5+1», в рамках которого прошла встреча стран Центральной Азии и Индии. Индия также с 2017 года присоединилась к Шанхайской организации сотрудничества, и все это является основным стимулом для индийского общества и стратегического развития, увеличения своего присутствия в регионе. И, насколько можно понять, это то, о чем неоднократно говорили страны Центральной

Азии, что они хотят, чтобы Индия принимала более непосредственное участие в жизнедеятельности региона.

Вторая причина, по которой Индия заинтересована в Центральной Азии, – это, конечно, Афганистан. Афганистан для всех – это очень болезненный вопрос. И любая нестабильность в Афганистане, безусловно, отражается на южноазиатском субконтиненте. Индия обеспокоена этой ситуацией, так как она является вторым по величине экономическим донором Афганистана, а так же если радикализация снова закрепится в Афганистане, это определенно повлияет на безопасность, особенно в северных штатах Индии. Поэтому интенсивные контакты Индии со странами региона усилятся.

Индия хочет, чтобы страны-соседи Афганистана объединились, чтобы все страны региона объединились и попытались прийти к какому-то стабилизирующему соглашению.

Третья причина, по которой Индия заинтересована в Центральной Азии, – это логистические связи. Дело в том, что «Пояс и путь» – это геополитический проект, а не только геоэкономический. И Индия страшно боится появления нового гегемона в Азии. Поэтому нет никаких сомнений в том, что Индия бу-

дет искать альтернативы этому конкретному проекту. Это также имеет значение, потому что этот проект имеет некоторые линии, которые проходят через Пакистан, через спорные территории в Пакистане, которые Индия считает своей суверенной территорией, и поэтому существует очень четкий вопрос суверенитета, почему Индия выступает против проекта «Путь и пояс».

Индия рассматривает Центральную Азию как своего расширенного соседа, но Индия прекрасно осознает тот факт, что Центральная Азия – это пять разных стран. И Индия, на данном этапе будет делать акцент на двусторонних связях и не будет рассматривать этот регион как единое целое, который имеет одну политику для всех. Индия будет проводить выверенную политику в отношении различных стран.